

«Ну почему Лелик?»

Александр АВДЕЕНКО

Ответ на вопрос, заданный много лет назад, сегодня абсолютно очевиден.

Чествование Олега Табакова в середине августа по случаю его семидесятилетия не то что в один, в несколько дней не вместилось. Дифирамбы пропели все периодические издания, подчеркивая эксклюзивность своих материалов. В соревнование вступили телеканалы, используя все поздравительные жанры, какие возможны: от коротких сиюминутных интервью до длинных юбилейных фильмов, от специальных передач до трансляции картин и спектаклей с его участием. Он был всюду и всем доступен, никого не обделил вниманием. Словом, получил по полной программе. И поделом — заслужил своей полувековой работой на поприще отечественных экрана и сцены. А то, что в этом бурном поздравительном потоке не оказалось приветствий от «Экрана и сцены», объясняется просто. В августе по графику газета не выходила.

Так что восполняем пробел для будущих историков вопроса. И с объяснимым опозданием присоединяем свой голос к сплитному хору поздравителей. К тому же в отечественной истории есть способ продлить торжества. Поэтому, несколько видоизменив слова, с чувством провозгласим: «Дорогой Олег Павлович, вторую неделю поднимает тост Ваше здоровье!».

Что же касается вопроса, вынесенного в заголовок, то здесь требуется небольшое мемуарное отступление. В свое время на страницах «Экрана и сцены», прощаясь с Олегом Николаевичем Ефремовым, я вспомнил события многолетней давности, когда он принял нелегкое решение уйти из «Современника» во МХАТ по зову тогда еще крепких, но отчаявшихся его «стариков» и по соизволению министра культуры Фурцевой. Об этом его решении тогда почти никто не знал, даже ближайшие товарищи и друзья. Я был одним из первых, кому он сказал об этом, возможно, проверяя будущую реакцию других. Мы были в хороших товарищеских отношениях с первых дней «Современника». А в то время, о котором идет речь, встречались почти ежедневно. На ЦТ снималась большая передача о нем, я был сценаристом и ведущим.

Мы отмечали благополучное ее завершение, и тут Ефремов вдруг сказал мне о МХАТе. До окончательного решения еще было очень далеко. «А как же «Современник?» — ахнул я. Ефремов объяснил, что видит его в какой-то общей структуре со МХАТом. И надеется, что актеры его поймут. Он назвал тогда только две фамилии: «Батя (Е. Евстигнеев. — «ЭС») поймет и Кваша поймет». Об этом я и рассказал несколько лет назад. Но об одной детали того давнего разговора пишу впервые.

Олег Николаевич тогда спросил меня, а кто, по моему мнению, мог бы взять на себя в его отсутствие функции руководителя. Я и думать не хотел о «Современнике» без Ефремова, без преувеличения был сражен его откровением. Но он все же вынудил меня ответить. «Наверно, Лелик», — сказал я. Он просто взорвался: «Ну почему Лелик?!» — почти прокричал с ему одному свойственной интонацией внезапной атаки на собеседника.

Не знаю, обсуждал ли он еще с кем будущие кандидатуры, но,

думаю, имя Лелика, как тогда все называли ныне почтенного юбиляра Олега Павловича Табакова, произносил не я один. Лелик в свои небольшие года ухитрился выглядеть еще моложе. Раньше многих других получил известность, снявшись в весьма популярных фильмах в главных ролях. Один из основателей «Современника» рассказывал мне, что всегда завидовал организованности Табакова — он успевал не в ущерб театру сниматься в кино, озвучивать мультипликацию, записываться на радио да еще заседал на комсомольских форумах. В родном театре был любимцем зрителей, даже самый маленький эпизод (как в «Третьем желании» в роли

малыра или в «Голом короле» в роли дирижера, у которого музыканты объелись виноградом, и он в их животах перебродил в молодое вино) превращал в уморительно смешную сцену. А в больших ролях, как, скажем, в «Обыкновенной истории», «Балладе о невеселом кабачке», «Всегда в продаже» показывал столь зрелое драматическое мастерство, что можно было только подивиться, откуда что берется в таком единении правды, мгновенного перевоплощения, радостного, завораживающего лицедейства.

Конечно, Ефремов ценил и любил его, всегда видя в нем настоящего зрелого актера. Но привыкнув быть бесспорным ли-

дером коллектива, несмотря на самый демократичный собственный совет в театре и принятую в труппе прямолинейность высказываний, невзирая на личности, не очень-то приветствовал проявление самостоятельности. Не то, чтобы ревновал к чужому успеху, но ему казалось, что все должно было совершаться под его крылом. К примеру, когда мы говорили о Табакове, Ефремов вдруг с обидой сказал, что тот получил какой-то орден, к которому его Ефремов не представлял.

Мы жили с Табаковым по соседству, близ улицы Горького, на углах улицы Фучика, разделенной одной из Ямских улиц. Часто сталкивались на этих уг-

лах, особенно зимой, заходя и долго прогревая машины. У Табакова была «Волга», по тем временам круче некуда. Символ, между прочим, не только достатка, но и определенного общественного положения. Простым смертным она в магазине не продавалась. Необходимо было получить персональный наряд. Как-то трепались на разные темы, и я спросил его про орден, к которому его не представлял театр. Ни сном, ни духом о нем не знал и пальца, чтобы его получить, не приложил, — ответил Табаков, объяснив, что это награждение состоялось по линии комсомола, по случаю своего очередного юбилея отметившей группу творческой молодежи. Так все и было на самом деле. Но успех, свалившийся на голову товарища, далеко не всегда разделяют даже самые близкие по жизни люди. Впрочем, как и несчастья. Вдруг у Табакова случился инфаркт. В возрасте, когда инфарктов никаких у человека быть не может, и ни у кого из сверстников пока не было. Однако, кто-то тоже воспринял это по-своему: надо же, даже инфаркт раньше других сумел схлопотать.

Табаков, по определению, баловень успеха. Всегда, во все времена на гребне волны, в центре внимания, всегда победитель: что задумал, то и мгновенно осуществил. Кроме одного эпизода в творческой жизни, но о нем после.

Ефремов ушел, а Табаков стал директором. Кто помнит, обязательно представит себе его, тогдашнего, с потрепанным портфелем в руках. Портфель был его кабинетом, хотя персональный кабинет, по-моему, тоже имелся. Портфель вмещал в себя всю жизнь театра и планы на будущее. Портфель не бухгалтера, а министра. Он директорствовал истово, и это у него получалось. А потом вдруг стал министром без портфеля, растался и с постом, и с театром, давшим ему известность, славу и все прочее, этому сопутствующее.

В общем-то он повторил путь, которым первым прошел его учитель Олег Ефремов. Из ничего, с нуля он создал свой театр. Как организатор, менеджер, воспитатель, художественный руководитель. «Табакерка» — замечательно свойское образование, и чертики из нее выскакивали по мановению его волшебной палочки. Именно чертики — всем чертям назло. Он нашел, открыл, выпустил в жизнь новое театральное поколение, сегодня определяющее очень многое в нашем искусстве. Именами жонглировать не стоит, они у всех на слуху, как у всех на виду и их носители.

Но на первом этапе успех изменил ему. Студия существовала, спектакли ставились, но легализовать новое детище Табакову не удавалось. Я хорошо помню те времена. В «Неделе», где я тогда работал, мы организовали «круглый стол» на тему «Малая сцена и ее проблемы» с участием известнейших театральных людей — Арбузова, Розова, Товстоногова, а также молодых режиссеров и драматургов. Отчет об этом «круглом столе», где говорилось о необходимости экспериментов, расширения театрального пространства, был подготовлен, но материал снял из номера заместитель главного редактора «Известий», курировавший наше издание. Он сказал: зачем нам эти подвалы и чердаки на 50–100 мест, где мы не можем проконтролировать, что за ересь там несут с подмошек? Зачем таять из подворотни? Зачем дробить наше большое, рассчитанное на массы искусство? Надеюсь спасти материал, я

Экран и сцена

созвонился с заведующим сектором театра в отделе культуры ЦК КПСС и попросил его прочитать текст. Он его внимательно проштудировал и поднял на меня испытующий взгляд. Клянусь, там не было никакой крамолы. К тому же во время нашей беседы в кабинет заглянул его коллега по Отделу (на самом деле это слово в официальных документах писалось с заглавной буквы, а не так, как я его написал выше), и мы с ним тепло поздоровались, будучи в хороших личных отношениях, никак не касающихся служебных обязанностей. Так что я оказался почти что своим в этом кабинете. И чиновник на букву Ш или Щ (не помню точно) спросил: а почему я принес ему этот материал? Я передал суть претензий известнейшего начальства. Человек с шипящей первой буквой фамилии стал читать текст еще раз, а после долго и туманно начал объяснять, как его переделать, чтобы прояснить суть проблемы. Я понял, что во второй раз в этот кабинет не приду. В ЦК с глазу на глаз ничего не запрещали, но и не разрешали. Выкручивайся сам!

Табаков считает, что запрет на его "Табакерку" исходил от тогдашнего партийного московского начальника Гришина, поскольку они повздорили чуть ли не на пустом месте. Конкретно, может, и так. Но в эпоху стабильности, как называли брежневское время его охранители, больше всего боялись новых, нестандартных ходов, как и слов. Просто слов, полагая, что они могут разрушить хрустальный замок общественного согласия.

В детище Табакова не было никакой революционности. Да и аллюзий, которых так страшлись, тоже не было. Стабильность ведь рождается не постоянно, а вкусом к переменам. МХАТ в подростковом еще возрасте распался на множество ветвей и студий, давших новый порыв к развитию отечественного театра. Табаков ну никак не выламывался из этого русла. А театр создал вопреки всему, что мешало.

Помню еще один эпизод из строго охраняемой действительности. Это уже было, когда я работал в "Советской культуре". Штатный фельетонист по сигналу с места написал о безобразии в таганрогском драматическом театре. Не назову сейчас спектакль, о каком шла речь, но назову актера — Олег Табаков. Он сыграл в двух провинциальных спектаклях гастрольную главную роль и получил за это приличное вознаграждение. Что и вызвало негодование фельетониста, поскольку цену на билеты дирекция подняла вдвое или втрое. Хотя из текста следовало, что благодаря этой акции аншлаг был полный и театр перевыполнил финансовый план. На редколлегии разгорелась нешуточная дискуссия о принципах социалистической справедливости, но фельетон в результате обсуждения был похоронен. А на самом деле в конкретных обстоятельствах проросла некая новая форма взаимоотношения театра и зрителя. Табаков был ее жертвой, а в какой-то степени и творцом.

На своей собственной, а она всегда ранима, актерской шкуре

Олег Табаков испытал все прелести подневольной актерской службы. И сумел, добиваясь независимости от начальства и руководящих постулатов, выстроить собственный путь проживания в профессии. Он преподавал за границей, спасибо, что в дни юбилейных торжеств наглядно показали в видеозаписи его легкие, ироничные по форме и глубокие по сути способы и манеры работать с учениками. Он ставил спектакли — опять же за кордоном, а в это время наливалась соком собственная труппа. 50–100 зрителей в подвале? А вы попробуйте туда достать билеты!

Лукавство — фирменная фишка Табакова. Говорит одно, а глаза и мимика подразумевают другое. Переход от улыбки и балагурства к жесткой твердости взгляда и чеканной отточенности высказывания мгновенен. В его искренности сомневаться не приходится, хотя, может быть, это просто безупречный аппарат владения профессией. Знаменитый режиссер, поздравляя Табакова в день семидесятилетия, сказал, что у некоторых больших актеров десяток штампов, а у Табакова их немеренное количество. Что это — комплимент или взыскательность по гамбургскому счету? У Жана Габена был один штамп — он сам. Не так ли и у Табакова? За его плечами действительно невероятное количество превосходных ролей на сцене и в кино, но множество и проходных — в телеспектаклях, которые мы теперь при всем своем желании не увидим, поскольку они умерли вместе с пленкой. И все-таки плохо

сыграть он никогда не мог. Не получалось.

Актер Актерыч по сути своей, но преодолевший зыбкую грань между расхожей популярностью фотооткрытки и ясным осознанием, куда идти дальше.

Слава богу, над гробом Ефремова не делили самого державного в нашей театральной иерархии поста. Скорбели все — кто был с ним на первых порах театрального ренессанса, кто прошел с ним нелегкие годы мхатовской перестройки, кто работал с ним и в те, и в последующие годы. Рано или поздно вопрос о преемнике должен был возникнуть. И он возник. Всплыла, как айсберг, кандидатура Табакова. "Почему Лелик!" — этот вопрос не вызвал ни у кого недоумения. "Потому что — Лелик!"

Он доказал это своей работой.

То, что он сегодня делает с МХАТом, вызывает отдельный вопрос. Во-первых, это теперь уже не МХАТ, а МХТ. Букву А, обозначающую академическую причастность театра к вершинам культуры, новый художественный руководитель убрал. Единоличным решением. Представляете, что было бы, если бы убрал хоть одну букву из основополагающих аббревиатур совсем недавнего времени? Но здесь пронесло, как будто так и надо.

Он провозгласил своим поступком, что театр теперь открыт всем современным течениям в режиссуре и драматургии. Количество спектаклей на большой и малой сценах зашкаливает за цифру предельного и ра-

зумного. Пригласили к постановкам всех, кого возможно. Результат? Постоянные аншлаги. Приличное вспомоществование актерам. Спонсоры, стоящие в очереди, чтобы поддержать труппу. Успех, как и положено ему по линии судьбы. Дотационный прежде театр выходит в лидеры коммерческого успеха.

Один вопрос по существу — тот ли это МХАТ (МХТ), переживший несколько рождений и смертей? На ответ есть время — Табаков, отмеривший себе минимальный срок для вывода театра из кризиса, продлил его на будущее.

Еще одно личное воспоминание. В начале девяностых годов мне раздался звонок от бухгалтера из Фонда Олега Табакова с просьбой назвать банковские реквизиты "Экрана и сцены". Я удивился, для чего это нужно. И получил ответ: Фонд выделил газете 1 миллион рублей. Тогда это были деньги в большом измерении. Я позвонил Табакову, искренне пораженный этому решению. Он мне ответил: "Ты не думай, что мы раздаем деньги направо и налево. Мы дали их вдове Лакшина, сгоревшему тбилисскому театру и вам, прочитав на ваших страницах, что у вас финансовые проблемы". Сказал без эмоций и излишних объяснений.

Я отвечаю на вопрос "Ну почему Лелик?" твердым ответом. Потому что другого такого сегодня нет.

А если от себя лично, то только одно пожелание: будь здоров, Матроскин.

Экран и сцена